Я ПОМНЮ ТОТ ВАНИНСКИЙ ПОРТ...

ВИКТОР ЕЛМАНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я не ошибусь, если скажу, что почти каждая семья в России пострадала от сталинского режима. Когда мне было три месяца, арестовали и отправили в лагерь моего отца. Это был 1949 год. Отца арестовали за фразу: «Четыре года как кончилась война, а мы не можем до сих пор вдоволь наесться хлеба». Отец пропал в лагерях бесследно.

Я думаю, что если человечество позволит себе забыть, что такое тоталитаризм, он тут же, как птица Феникс, возродится из пепла.

- Я помню тот Ванинский порт…
  - ○
  - ○

Я помню тот Ванинский порт… Виктор Елманов

© Виктор Елманов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Первая трагедия, которую пережила Россия – это сталинский режим. Огромная, некогда процветавшая страна, была после переворота 1917 года превращена, как определил ее Солженицын, в архипелаг ГУЛАГ. То есть в огромный лагерь. Страх был самой надежной силой, которая удерживала эту тоталитарную систему.

Я не ошибусь, если скажу, что почти каждая семья в России пострадала от сталинского режима. Не обошла эта трагедия и нашу семью. Когда мне было три месяца арестовали и отправили в лагерь моего отца. Это был 1949 год. Отца арестовали за фразу: «Четыре года как кончилась война, а мы не можем до сих пор вдоволь наесться хлеба». Отец пропал в лагерях бесследно.

Может, «Я помню тот Ванинский порт…» – это попытка поспорить с Екклесиастом, с его словами, что «нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». Я думаю, что если человечество позволит себе забыть, что такое тоталитаризм, он тут же, как птица Феникс, возродится из пепла.

Зима. Толстые корабельные цепи припорошены снегом. На бок накренившийся катер. Панорама зимней стоянки судов, вмерзших в лед.

Вдоль высокого ржавого борта баржи идет автор фильма.

Звучит песня:

Я помню тот Ванинский порт
И вид пароходов угрюмый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы…

Голос за кадром:

– Для нашего поколения конца сороковых строчки этой песни были очень хорошо знакомы…

Звучит песня:

На море спускался туман,
Ревела стихия морская,
Вставал на пути Магадан —
Столица колымского края…

Голос за кадром:

– Многие в те времена думали, что эта песня о так называемых блатных. Магадан тогда был символом уголовников…

Звучит песня:

Не песня, а жалобный крик
Из каждой груди вырывался.
«Прощай навсегда, материк!» —
Хрипел пароход, надрывался…

Голос за кадром:

– В то время еще мало кто знал, что песня «Ванинский порт» совсем о других заключенных. О тех, кого потом назовут репрессированные. Ванинский порт стал именем нарицательным. Любой пересыльный пункт для репрессированных, куда свозили их, чтобы отправить потом в лагеря, можно было назвать Ванинским портом.

Звучит песня:

Пятьсот километров тайга,
Живут там лишь дикие звери,
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени.

Я знаю, меня ты не ждешь,
И писем моих не читаешь,
Встречать ты меня не придешь,
А если придешь – не узнаешь.

Голос за кадром:

– Лагеря были везде. Кто-то попадал в Магадан, кто-то в голые степи Казахстана, а кто-то… да, да и на Костромской

земле были лагеря. Назывались они Унжлаг.

Летний солнечный день, заливные луга, река Унжа, за ней – бескрайние леса.

Голос за кадром:

– Отсюда, от стен Макарьевского монастыря, открывается чудесный вид на Унжу, на леса, уходящие куда-то в бесконечность. Трудно представить, что эту красоту…

Скрученный, изуродованный наростами ствол сосны.

Голос за кадром:

– …когда-то разъедали метастазы раковой опухоли архипелага ГУЛАГ. Что эти леса стали проклятой землей для сотен тысяч погибших здесь людей.

Книга А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Книга А. Мирека «Записки заключенного».

Голос за кадром: – Унжлаг. Впервые я узнал о нем из книг Александра Солженицына. Подробности – от Альфреда Мирека.

Павел Алексеев, учитель истории средней школы №23 города Костромы.

Голос за кадром:

– Павел Алексеев не раз побывал в тех местах, где располагались костромские лагеря Унжлага.

Павел Алексеев:

– В десятом классе у нас есть тема о культличности Сталина. Появилась мысль свозить ребят в экспедицию по местам расположения бывших сталинских лагерей. Посмотрели литературу, встретились с нашим известным краеведом Григоровым А. А., он нам в общем-то дал такую документальную справку о том, что на территории Макарьевкого района в начале 30-х годов был основан Унженский лагерь. Этот лагерь в конце 30-х годов стал наполняться не только уголовными элементами, но и политическими, среди которых было много представителей и партийного, и государственного, и чиновничьего аппарата, военных, просто интеллигенции много… Если посмотреть на всю информацию, которая есть у нас про Унжлаг, то мы можем себе представить такую картину, что Унжлаг протянулся со станции Сухобезводная, которая находится на железнодорожной ветке

от станции Горького до Кирова и на север эта железная дорога тянулась. Постепенно вырубались леса, строились лагеря. В конце 30-х годов Унжлаг пересек границу сегодняшнего нашего Макарьевского района, потому что в 30-ые годы Макарьевский район отходил к Горьковской области и поэтому это была тогда одна территориальная единица…

Начерченная от руки схема Унжлага с названиями некоторых лагерных пунктов.

Голос за кадром:

– Точной цифры, сколько было почти на стокилометровой ветке Унжлага лагерных пунктов, пока нет. Есть лишь некоторые названия. Их приводит в своей книге Альфред Мирек: «Седьмой лагпункт – санитарный (для больных, инвалидов, сильно ослабших). Двенадцатый лагпункт назывался „сельхоз“, здесь делали хозяйственный инвентарь для других лагерей. Одиннадцатый лагпункт окрестили „человеческая свалка“. Для самых слабых и истощенных, кто был на грани смерти».

В обычных лагерях узники, которые занимались заготовками леса, вставали в 5 часов утра, работали по 10 часов. Минимальная норма на заключенного – 4 кубометра леса. За перевыполнение давали добавочную пайку хлеба и кашу.

Разрешалось писать и получать письма. Пол листа бумаги стоил 150 граммов хлеба.

Владимир Смирнов.

Голос за кадром:

– Из рассказа Владимира Смирнова о своем репрессированном отце, который просидел в лагере четыре года.

Автор фильма:

– А письма он присылал оттуда?

Владимир Смирнов:

– Присылал… 3 или 4 письма за все время. Ну, он приехал, все рассказал мне.

Автор фильма:

– В то время, какие письма были, с маркой? Помните?

Владимир Смирнов:

– Нет, без марки. Треугольное. Как солдатское письмо шло. Вот это я помню.

Голос за кадром:

– Отца Владимира Смирнова арестовали 20 июля 1950 года. Жили они тогда на улице Островского. Попал отец не в Унжлаг,

а в новые лагеря поселка Междуречье Красноярского края. Вероятно, так же начинался и Унжлаг, когда сюда привезли первых заключенных.

Владимир Смирнов:

– Спали они там, палатка была общая. Посредине была бочка топилась. А палатка была длинная, 200 человек жило. Кто, говорит, к бочке был, там потеплей, а кто крайний, там замерзали люди прямо живые. Утром встанем, замерз, все. Спали – были нары сделаны из бревен, неотесанные ничего, прямо накатанные такие. А в голову клали они обрубок дерева заместо подушки. А прижимались друг к другу настолько плотно спать, что не могли повернуться, только по команде поворачивались на другой бок.

Голос за кадром:

– Заключенных в Унжлаг привозили по железной дороге.

Открывается книга «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына.

Голос за кадром:

– «На станции Сухобезводная сколько раз, двери вагона раскрыв по прибытии, только и узнавали, кто жив тут, кто мертв…»

От станции до лагерных пунктов развозили в вагонах. Хорошо, если лагерные пункты были уже построены, хуже, если были только палатки, и совсем плохо, когда ночевать приходилось под открытым небом, у костров, а днем строить бараки.

Павел Алексеев:

– Мы с ребятами обошли многие вот эти лагпункты, где тогда еще пять лет назад остались стены одной из бани лагерной, значит, вышки разрушенные, мосты деревянные разрушенные. И когда идешь по этим бывшим усам, где проходили железнодорожные рельсы, по которым заключенные свозили лес на большие станции, то природа настолько дремучая, что, кажется, идешь по какой-то глубокой траншее. И когда выходишь на эти места, где раньше находились лагеря, то как-то убивает вот этот шквал солнца, шквал ветра…

Голос за кадром:

– До сих пор места бывших лагерей Унжлага хранят какую-то особую память о заключенных. Ржавеет, превращается в пыль колючая проволока, рассыпаются в прах человеческие кости, но эта особая память остается. Ее чувствует каждый, кто сюда попадает.

Евгений Королев, ученик 10 класса школы №23 города Костромы.

Евгений Королев:

– Атмосфера такая… Приходишь, а там все иван-чаем поросло. Почти ничего не видно, не сохранилось. След от колеи железнодорожной увидели, вот шли тогда по ней. Неприятные ощущения были, когда заходишь туда.

Автор фильма:

– Неприятные, какого рода? Что-то фантазировалось, что здесь…

Евгений Королев:

– Ну, представлялось, как здесь шли узники, эти политические заключенные. Просто, когда ни за что их наказывали, когда они умирали там… Некоторых вообще расстреливали, потому что не мог выполнить норму. Когда все это представляешь… Надо там стоять просто и смотреть на все это. Атмосфера вообще неприятная… Но поучительная.

Автор фильма:

– Какую-то деталь запомнил: столб, проволока, могилы или барак разрушенный какой-то?

Евгений Королев:

– Вы знаете, мы ходили собирать ягоды, увидали там могила опустилась, но столб был. Он там весь сгнил уже дерево, но там было что-то, надпись можно было разобрать… Весь такой мрачный, черный такой…

Михаил Новичков, ученик 10 класса, школы №23 города Костромы.

Михаил Новичков:

– Конечно, все это зрелище поражает воображение. Сразу приходят на ум вещи, которые здесь могли твориться, да и, наверное, творились беззакония тяжкие. Короче, как люди страдали здесь… Раньше я как-то не представлял себе, я думал, что лагеря строились где-то далеко, на Колыме, в Магадане. И вот первый раз столкнулся с тем, что здесь, у нас, в Костромской области, тоже были лагеря…

Автор фильма:

– Осталась в памяти какая-то одна, поразившая тебя деталь?

Михаил Новичков:

– Знаете, я вот думаю: приходишь на это место, на место бывшего лагеря и такое ощущение, что все вот сейчас как будто станет таким же, как и было много лет назад. Вот пойдет

заключенный, появится вышка с охранником. Смотришь на небо и думаешь, ведь оно было таким же, его видели узники…

Голос за кадром:

– Ребята из 23-ей школы, – и те, кто побывал в местах бывших лагерей Унжлага, и те, кто слышал о них от своих одноклассников, – только-только прикоснулись к этой теме. А вот в жизни этих людей…

Лица «детей репрессированных».

Голос за кадром:

– … архипелаг ГУЛАГ оставил свои черные отметины навсегда. И хотя никто из них не сидел в лагерях, на их долю выпали тоже испытания. Ну, первое, конечно, – это всеобщее презрение и клеймо детей «врага народа».

Владимир Смирнов.

Владимир Смирнов:

– В школе я учился, значит. Учитель у нас по русскому языку была в 6 классе, в 18 школе, там, у фабрики, школа была. Она прямо при всех сказала: «Вот у него отец – враг народа». А я маленький был. Но все равно до сих пор этот осадок остался… Ну, притесняли, во всем притесняли. Вот в доме нас недолюбливали, такая вражда была, отношение враждебное.

Голос за кадром:

– Чтобы хоть немного понять, что такое быть обреченным на это клеймо «враг народа», история Александры Ивановны Лебедевой, которой вместе с матерью пришлось тайно бежать из родных мест, где был арестован ее отец.

Александра Лебедева.

Александра Лебедева:

– И мы в этот момент, ночью, тоже с мамой собрали свои узелки и убежали. Для того, чтобы нас с ней не разлучили. Бежали ночью, не знаю сколько времени. Правда, и на подводе подвозили нас. Днем прятались. *(Плачет).*

Голос за кадром:

– Тайну эту, что она дочь «врага народа» Александра Ивановна хранила с 38-го по 93-ий год!

Александра Лебедева: – И муж у меня умер, а я ему так и не призналась, что я – его жена – враг народа. Я боялась! Я всю

жизнь боялась…

Ахмед Давудов.

Голос за кадром:

– У Ахмеда Османовича Давудова арестовали отца, когда Ахмеду было 3 месяца. После смерти матери он с лихвой хлебнул, что такое сирота да еще и врага народа.

Ахмед Давудов: – Отца брат хладнокровно, нежелательно меня принял… Через 3—4 дня он заметил, что я в огороде взял 3—4 картошки, есть видимо хотел, под костром жарил эти картошки и поесть себе. Он заметил, до гола раздел меня и понес в длинную крапиву и в крапиву бросил голым меня.

Мария Сафронова.

Голос за кадром:

– Весной 1930 года всю семью Петра Кобылина выгнали из дома. Началась компания по раскулачиванию зажиточных крестьян. С пятью детьми, с женой, которая недавно родила шестого, метался по деревне Петр Кобылин. Никто к себе не пускал.

Мария Сафронова:

– И вот я, как самая младшая из ходячих детей, помню, как мама на руках несла Дашу, а я все забегала вперед и смотрела маме в глаза, потому что видела, что у ней бегут слезы. «Мама, ты почему плачешь?» «Солнышко в глаза…»

Голос за кадром:

– Помнит Мария Петровна, как на пересыльном пункте, когда пошли дожди, детей пустили в дом.

Мария Сафронова:

– Нам досталось место под столом. А у стола были витые ножки. Мне так это нравилось, что у меня такой домик!

Голос за кадром:

– Так она и ночевала в этом «домике» под столом, пока не увезли их на барже в Горки… разумеется, не Ленинские.

Звучит 5 симфония Д. Шостаковича.

Голос за кадром:

– Музыку, которую вы сейчас слышите, написал Дмитрий Шостакович в 37 году. Этот год можно назвать самым кровавым для миллионов замученных, приговоренных к смертной казни, духовно изуродованных. Соловки, Колыма, Беломорканал,

Воркута. И так далее, и так далее, и так далее. Унжлаг был тоже в ряду страшных мест, где шло уничтожение народа.

Листается книжка А. Мирека «Записки заключенного». Стоп-кадр на одной из страниц.

Голос за кадром:

– «Когда становилось ясно, что кто-то умирает, к нему бросалось несколько человек из тех, кто, обезумев от всего происходящего, потерял человеческий облик. Они сперва забирали куски хлеба под подушкой (за несколько дней до смерти обычно ощущалась полная атрофия к еде, и хлеб накапливался), затем отбирался мешочек с вещами, а когда начиналась предсмертная агония, с умирающего стаскивали все, вплоть до белья. Жертва еле слышно шептала: „Подождите… подождите чуть-чуть… дайте еще минутку…“ Но для них это был уже неодушевленный предмет».

Автор фильма сидит перед магнитофоном. Продолжает звучать 5 симфония Д. Шостаковича.

Голос за кадром:

– Давит, давит пята кровавого тирана. Идут, идут, подчиняясь дьявольскому маршу, в тюрьмы и лагеря люди. Сотни тысяч, миллионы!

За что такая кара? За разрушенные храмы? За поруганные монастыри? За кровь безвинных, на которой был замешан кровавый террор? За то, что доверились кровавой теории беспощадной классовой борьбы, для которой человек ничто, абстрактная арифметическая единица? За то, что отступились от веры в божественное происхождение и предназначение человека?

За все, за все заплатили самой дорогой ценой – ценой человеческой жизни… И так будет всегда, когда люди затоскуют по сильной руке и порядку. Ибо не может быть сильной руки, которой бы не захотелось показать свою силу на людях, и не может быть порядка, который не захотел бы стать диктатурой…

Автор фильма выключает магнитофон. Фотография одной из сохранившихся могил Унжлага.

Голос за кадром:

– Этот снимок сделан тоже в одном из мест бывших лагерей

Унжлага. Ничего не осталось от человека, захороненного в этой могиле, кроме деревянного столбика и номера на дощечке. Ни имени, ни фамилии. Будто и не жил человек, не было у него ни матери, ни отца, ни любимой девушки…

Кадры хроники. Заключенные возвращаются из лагеря, садятся в автобус.

Голос за кадром:

– Впрочем, в такие вот столбики с номерами превращались и многие из тех, кто все же возвращался из лагерей. Одну из таких историй мне рассказали совсем недавно.

Автор идет по улице. Проходит мимо ссохшейся, почерневшей от времени лиственницы.

Голос за кадром:

– Сергея Баскакова арестовали весной 34-го за неделю до свадьбы. Камера. Допросы. Приговор: 15 лет лагерей без права переписки.

Автор фильма идет вдоль кирпичного забора. Верх забора – литая решетка. Автор фильма останавливается, смотрит на бумажный кораблик в луже.

Голос за кадром:

– Но он все же писал письма своей любимой Наденьке на протяжении всех 15 лет заключения. Трудно было найти бумагу, огрызок карандаша и, казалось совсем невозможное, отправить письмо. Маленькая оплошность и можно было получить дополнительный срок. Но он все же рисковал!

Автор фильма идет от светофора на перекрестке улиц. Грязные сугробы. Полурастаявшая ледяная корка на дороге.

Голос за кадром:

– О, эти письма к любимой девушке! Они-то, может, и дали ему силы выжить!..

Макушка березы на фоне синего неба.

Голос за кадром: – Сергей освободился в 49-ом. Две недели добирался он до родного города.

Автор фильма идет по перрону вокзала. Балкон дома сталинской архитектуры.

Голос за кадром:

– Вот и знакомый вокзал, знакомые улицы, дом его любимой девушки.

Встретила Сергея мать Наденьки. Узнала не сразу. А когда узнала, затряслась от слез. Наденька умерла в тот же год, когда его забрали. Из писем, которые он отправил, дошла лишь крохотная часть…

Автор фильма на кладбище. Могила с фотографией девушки на памятнике.

Голос за кадром:

– На кладбище он сидел у могилы Наденьки, отхлебывал из бутылки водку, перечитывал письма и сжигал их.

Автор фильма идет между могил кладбища.

Голос за кадром:

– Уходя с кладбища, он медленно шел среди могил, словно ждал, что его вот-вот кто-то окликнет.

Вечерние лучи солнца, словно паутинки цеплялись за оградки, кресты, ветви деревьев.

Улица города. Вечерние огни в окнах домов.

Голос за кадром:

– На улицах было почти безлюдно. В окнах домов зажигались огни. Откуда-то доносился беззаботный смех, играл аккордеон. Было в этой песне без слов все до боли знакомое: удушающая теснота тюремных камер, холод и грязь лагерных бараков, ругань охранников и лай собак, горечь и отчаяние, что так вот жестоко злой рок распорядился твоей жизнью.

Зима. Толстые корабельные цепи припорошены снегом. На бок накренившийся катер.

Вдоль высокого ржавого борта баржи идет автор фильма.

Тусклое зимнее солнце светит сквозь поручни речного парохода.

Труба корабля с сохранившимся на ней рисунком серпа и молота.

Панорама зимней стоянки судов.

Автор фильма подходит к пароходу, поднимается на него,

смотрит на суда, вмерзшие в лед.

P. S. **Толчком для работы над сценарием, а затем и фильмом послужили воспоминания из семейного архива бывшего артиста Костромской государственной филармонии Игоря Иванова. А речь в воспоминаниях шла, ни много ни мало, а о таком поэте, как Борис Корнилов.**

Светло-зеленый, выгоревший местами конверт с грифом журнала «Дружбы народов», лаконичный ответ Л. Аннинского, в котором уверенность, что эти воспоминания «рано или поздно… станут достоянием людей», пожелтевшая рукопись – на всем этом печать не одного десятка лет. Нет в живых автора воспоминаний Николая Александровича Иванова, многое за эти годы произошло. И у меня до сих пор вопрос: кто был этот человек, выдававший себя за Бориса Корнилова?..

5 ноября 1976 года по радио прозвучала передача «История одного стихотворения». Речь шла о стихотворении Бориса Корнилова «Песня о встречном». Автор передачи указывал, будто бы это стихотворение написано специально к фильму «Встречный». Но вот что рассказывал мне сам Борис Корнилов: «Мы отдыхали в Сочи и находились в одной комнате вдвоем с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. Однажды утром, накинув полотенце на плечи, мы направились к морю. Я воодушевленно говорил: «Нас утро встречает прохладой». Шостакович поднял на меня глаза и сказал: «Дальше». Я произнес как бы следующую строку: «Нас ветром встречает река». Дмитрий Дмитриевич взял меня за руку, повернул обратно и сказал: «Пошли». В комнате он сразу же сел за пианино и стал подбирать мелодию. Я быстро написал следующие две строки:

Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?

Дальше пошло дело медленнее. Я много писал, зачеркивал, снова писал, перечеркивал, писал и писал. К вечеру получился текст, который вошел в песню. После, когда Шостаковичу предложили написать музыку к фильму «Встречный», он, с общего согласия и одобрения, включил «Песню о встречном».

Такова история этого стихотворения. Передо мной книжка: Борис Корнилов, М. Г., 1968 г. Автор Пл. Карпенко пишет: «Почти тридцать лет назад трагически оборвалась жизнь замечательного русского поэта Бориса Корнилова». Что же выходит: 1968 минус

30 – это что-то 1938-1939 гг.? Со всей ответственностью заявляю: Борис Корнилов умер у меня на руках в Магадане в октябре 1949 года.

Встретились мы с Борисом в первых числах сентября 1949 года на пересыльном пункте в порту Ванино. Громадные корпуса Ц. Р. М., где мне много раз приходилось бывать с заказами и за материалами в бытность работы моей мастером паровозного депо, сейчас были превращены в лагерь. Повсюду трехъярусные нары в бытовых помещениях. Ожидался этап на Колыму «особо опасных преступников», говорили, должно набраться семь тысяч пятьсот человек. Встрече мы оба с Корниловым были рады до бесконечности. Около двух месяцев провели в разговорах, в чтении стихов, и в воспоминаниях. Борис был прекрасным рассказчиком и чтецом. Погода стояла удивительно сухая и теплая.

Итак, опишу вкратце, с его слов, его жизненные перепутья и страдания. В 1938 году его арестовали, и он ждал казни, которые проходили в те годы над тысячами ни в чем не повинных людей. Но не постигла Бориса Корнилова участь Владимира Кириллова, Михаила Герасимова, Павла Васильева и многих других.

С первых дней Великой Отечественной войны Корнилов был беспрерывно в тяжелых боях и кровопролитных сражениях. Под Смоленском попал в плен. Содержался в концлагере в числе многих других воинов Красной Армии и граждан Советского Союза. В лагерь часто заходили эсэсовцы, изменники Родины. Предлагали переходить на службу к Германии, обещая всякие блага. В городе Смоленске прихвостнями и всякой сволочью издавалась на русском языке политико-литературная газета. И вот издатели, узнав, что в лагере содержится известный советский поэт Корнилов, устремились завладеть им. Что они только ни предлагали за сотрудничество в газете. И полную свободу, и материальное обеспечение, и поэтический рост. Корнилов категорически отказался от всякого сотрудничества, отказался дать и стихи. Тогда без его разрешения в газете было напечатано несколько старых стихотворений под фамилией Борис Корнилов.

Много пришлось поскитаться и пострадать, и поголодовать Корнилову в разных лагерях. В 1944 году он был освобожден из лагеря победоносно наступающей Советской Армией. Наконец-то вот она, дорогая, родная, долгожданная свобода. Но произошло самое страшное, что можно было ожидать. За участие в антисоветской печати, за печатание стихов в смоленской газете Борис Корнилов приговаривается к двадцати

годам лагерей строгого режима. И опять долгие годы лагерей, но уже не фашистских, а советских. И вот сентябрь 1949 года. Пересылка Ванино. В личном деле «пятерка» (береговой лагерь строгого режима в Магаданской области). Так вот мы и встретились с Борисом Петровичем.

У Корнилова из вещей был только небольшой узелок с хорошо сшитыми книжками стихов Твардовского, Исаковского, Суркова и других авторов. У меня же был большой чемодан, набитый сборниками стихов (в том числе поэма Ольги Берггольц), рукописями, бумагами и даже продуктами. Корнилов с жаром набросился на чтение сборников и моих стихов. Многие мои стихи раскритиковал, некоторые похвалил. Особенно понравилась ему моя поэма «Лукерьина сопка». Своих стихов он не читал, но с наслаждением читал стихи других поэтов, которых знал бесчисленное множество. Больше всего читал Твардовского. Все его поэмы знал наизусть.«Василия Теркина» Борис читал с восхищением, главы «Гармонь» и «Два солдата» читал с упоением. Много читал Корнилов стихов своего друга Ярослава Смелякова. Особенно часто на распев повторял: «Любка, Любка, шелковая юбка. Любка, Любка, Любка Гудерман». В печати этого стихотворения у Смелякова я не находил и не знаю, было ли оно когда-нибудь напечатано. О своей жизни в Москве, особенно в последние годы, Корнилов рассказывал с увлечением. Общение с такими людьми, как Алексей Сурков, Александр Твардовский, Алексей Толстой, Михаил Пришвин, супруга покойного Анатолия Васильевича Луначарского и, наконец, его задушевный друг Ярослав Смеляков, облагораживало его как человека, вооружало знаниями, вдохновляло на новое творчество.

«Как-то, – рассказал Корнилов, – я поделился с супругой Анатолия Васильевича Луначарского, с которой очень дружил и у которой часто бывал: «Ни одно издательство сборника не берется издавать». Она сочувственно проговорила: «Что ж, Боря, был бы жив Анатолий Васильевич, конечно бы, ты печатался в лучших изданиях. А сейчас, что можем сделать? Будем ждать».

Корнилов упрямо и настойчиво добивался, чтоб я рассказал о себе со всеми подробностями – о детстве, юности, учебе, работе, о жизненном пути и все, все, все на литературном поприще. Я рассказывал…

Но вернемся к Ванино. К концу октября нужное количество арестантов было набрано, теплоход подошел к пирсу и началась погрузка. И сама погрузка, и переезд были кошмарными. На море разыгрался шторм. Качало здорово, и многие заболели морской болезнью. Я, привыкший к морским походам, не ощущал качки. Но бедный Корнилов, он сразу занемог, заболел всех сильнее,

сильно осунулся, побелел, страдал головокружением и часто терял сознание. Я делал все, что было в моих силах, чтоб помочь Борису. Растирал его тело, массажировал, дышал на него. Наконец-то теплоход пришвартовался в бухте Нагаева. Магадан – начинающий строиться город: маленькие деревянные домики, занесенные снегом. Пурга. Конец октября, мороз, снегопад. Началась выгрузка. Мы с Корниловым сошли на берег одни из первых. Вернее, не сошли, а я свел его по трапу сильно больного. И очутились мы в голове колонны, растянувшейся далеко-далеко. Борис кое-как шагал, прислоняясь ко мне и поддерживаемый мною, а затем совсем повис на мне. Подошел начальник конвоя и вывел нас в сторону, усадил в сугроб на брустверe кювета. Сначала Борис еще дышал, потом дыхание стало медленнее и совсем прекратилось. Тело быстро холодело…

Корнилов был мертв. Когда последние ряды колонны сравнялись с нами, конвой втолкнул меня в строй. К телу умершего поставили конвоира.

Прощай, дорогой Борис Петрович.

28 июня, 1978 г.

Н. Иванов.